Анна Кимерлинг

Платформа против калош, или стиляги на улицах советского города

Начнем с рассказа, записанного три года назад: «С 57 года стали носить узкие брючки. Короткие. Ходили обязательно в ботинках желтого или светлокоричневого цвета, на больших платформах. Вот у меня был дружок, у него была возможность покупать двое ботинок. Подошву у одних ботинок он отклеивал и приклеивал к другим. А мы, кто победней был, приколачивали что-то другое. И обязательно расписные рубахи навыпуск. Были даже такие, которые покупали рубашки, дальше их простирывали в чем-то, чтоб были как-то не ярко выражены цвета, и дорисовывали рисунки сами. Был знакомый, который расписывал в церкви иконы. Он расписывал свою рубаху так, что когда он шел по улице, старухи крестились. А вся молодежь, открыв рот, в след ему смотрела. Он действительно делал из своих рубах произведения искусства»[1] (К-ов 2002: интервью).

На первый взгляд, в этом бесхитростном повествовании можно обнаружить лишь простейшую иллюстрацию к учебному пособию по социологии моды. Здесь все на месте. Эталон, не названный и не доступный, но от того не менее реальный, поскольку служит источником для копирования. Референтная группа, с которой соотносится индивидуализированное поведение, точнее, тот круг людей, с которым наш рассказчик постоянно обменивается значимой информацией. На него же он и ориентируется, подбирая для себя соответствующую одежду. Предъявлена и процедура презентации.

Все так, однако, есть в этом тексте что-то, выводящее его за пределы модного дискурса. Во-первых, кустарная техника копирования эталонных образцов одежды и обуви. Тогда такой способ производства называли «самопальным», а сами изделия – «самопалами». Для XX века – явление, несомненно, архаичное. Если эталон и создается мастером в считанном количестве экземпляров, то процесс тиражирования – это уже фабричное производство. Самодеятельность в шитье верхнего платья и изготовления обуви напоминает об эпохе «Недоросля». А вот пафос совсем из иных времен – времен сотворения нового мира. Человек в расписной рубахе, на которого крестятся старушки – это типичный культурный герой, выстроенный по канонам советского мифа. Так о старой

одежде можно вспоминать только в том случае, если она нагружена, а правильней написать, перегружена большими дополнительными смыслами, когда в ней и спустя много лет обнаруживаешь символическое содержание, связанное с основами жизненного мира, с личностным самоутверждением, с социальной идентичностью.[2]

Человека, чьи воспоминания были приведены выше, советская пропаганда 50 лет назад называла стилягой. Со временем клеймящая кличка стала ностальгическим самоназванием большой группы горожан, чья молодость пришлась на пятидесятые годы. Термин «стиляга» до сих пор является эмоционально насыщенным настолько, что почтенные участники ученого собрания зимой 2006 года, услышав его, тут же пускаются в жаркие споры: когда парадигма широких брюк сменилась парадигмой узких? Были ли среди стиляг приличные мальчики, или сплошная городская шпана – фарцовщики, выпивохи, хулиганы, гроза улиц и танцплощадок? Один из участников эмоционально обижался на стиляг, которые «…не хотели походить на серое быдло»: «Моя мама не была стилягой – она что, была быдлом?!».

Из этих жарких дискуссий ясно одно: тема стиляг не изжита коллективным бессознательным, она до сих пор задевает чувства и побуждает к рационализации давно отошедших практик. И значит, дело здесь вовсе не в покрое брюк, или эпатажном рисунке танца. Тот стиль поведения, который практиковали эти молодые люди, воспринимался как провокативный по отношению к базовым ценностям и нормам советского общества. Не будет большим преувеличением признать этот стиль катализатором разрушения советского режима. И пока советское общество живет в современной культуре тема стиляг входит в ее актуальный дискурс.

О стилягах достаточно много писали К. Рот-Ай, С. Стар, М. Эделе, Д. Фельдман, В. Тольц, Е. Зубкова, Л. Ионин. Мы постараемся определить роль стиляг как контркультуры, изменившей культурное пространство советского города, положившей начало деполитизации частной жизни и открыто заявившей о запретных индивидуалистических ценностях.

Город Пермь,
или в каких условиях появились стиляги в провинции

Уральский город Пермь был в 50-е гг. XX века большим индустриальным центром. Сюда в годы войны эвакуировали многие заводы вместе с инженерами и квалифицированными рабочими. Для них строили рабочие поселки. А чтобы обеспечить заводы рабочей

силой, к городу присоединяли близко расположенные сельские поселения. Таким образом, город значительно вырос и вытянулся вдоль реки Кама на десятки километров. Дома были в основном барачного типа, малоэтажные (около 50% города состояло из одноэтажных домов) и частные, «сталинки» были лишь в центре города. Пермский журналист В. Киршин в книге своих воспоминаний называет Пермь «столицей бараков» (Киршин 2003: 13). Но и бараков не хватало для растущего города. Часто в качестве жилой площади приспосабливали подвалы, ванные комнаты, производственные помещения, ветхие каркасно–засыпные бараки, построенные в 1932-1935 годах. Средняя плотность жилого фонда по заводу имени Молотова составляла 4,3 кв. м. на человека, причем «… по барачному фонду приходится 3,2 кв. м. на человека, а в отдельных общежитиях … до 2- 2,5 кв. м. и даже меньше». При этом «крыши протекают, стены осели и промерзают, в комнатах зимой холодно и сыро…, нет никаких удобств» (ГОПАПО. Ф. 105. Оп. 20. Д. 107: 53 – 58). Стесненные условия жизни рабочих рядом с достаточно комфортной жизнью начальников (именно им принадлежали отдельные квартиры в каменных многоэтажных «сталинках») усиливали глухое недовольство, создавали социальную атмосферу безысходности, особенно невыносимую на фоне патетической пропаганды успехов. Нищенский домашний быт порождал и соответствующий стиль поведения. Не только милицейские протоколы, но и партийные документы переполнены информацией о пьяных дебошах, насилии над женщинами, хулиганских выходках. В рабочих поселках складывалась специфическая социальная среда, воспроизводящая маргинальные формы общественного быта.

Центром социальной жизни был завод. В каждом районе имелся Дворец культуры, связанный с заводом, и своя администрация – райком и райисполком. Связь между рабочими поселками разных предприятий была достаточно слабой, просто не было необходимости взаимодействовать. Транспортную связь обеспечивал трамвай - длина путей 48,2 километра (ГАПО. Ф. р-1026.Оп.1.Д.112: 30). Ходил он редко, примерно раз в час, и был переполнен, люди ездили даже снаружи, на «колбасе», на подножках и на крыше вагонов. Не способствовало развитию городского образа жизни и отсталость коммунальных удобств – водопровода, центрального отопления, канализации. В 1953 г. в Перми (в 50-е гг. город назывался иначе – Молотов) только 20% жилого фонда было оборудовано водопроводом, 18% канализацией, 5% - центральным отоплением (Лейбович 1993: 65). В Молотове соседствовал городской и сельский

уклады жизни. В тесноте проживания не формировалось приватной жизни, но и разрушались традиционные деревенские нормы.

Механизм распространения моды в советском городе

Возникает вопрос – как такая жизненная среда могла влиять на обычный механизм распространения моды?

1. Где уральские провинциалы брали образец, с которого можно копировать? Телевидения нет, западные журналы недоступны. Здесь надо уточнить, что стиляги как контркультура прошли два этапа развития. На первом этапе была элитарная культура (1949 – 1955 гг.), когда дети высокопоставленных столичных номенклатурных работников начали копировать элементы западного стиля в процессе освоения материальных благ, прежде всего, трофейных. Эта культура была закрытой, недоступной, квартирно-дачной и ресторанной, но весьма привлекательной для скучающей молодежи. На втором этапе элитарная культура превратилась в молодежную контркультуру (1956 – 1962 гг.): запретные в советском обществе индивидуалистические ценности удовольствия и развлечений вступили в противоречие с ценностями коллективизма, труда и навязываемого властью аскетизма. Тогда стиляги появились по всей стране, и среди пермской рабочей молодежи тоже.

Современные западные танцы внимательному зрителю удавалось заметить в хрониках военного времени и в кино, например, в бельгийском кинофильме «Чайки умирают в гавани» американские солдаты в 1945 году танцевали с местными девушками. Зрители внимательно смотрели и запоминали, как это делается в Штатах. Козлов вспоминает хроники 40-х годов, «где молодой американский солдат, скорее всего перед отправкой на фронт в Европу, танцует «стилем» на обычной «party»... Это… скорее напоминало вихляние с задиранием поочередно ног, да так, что ботинок оказывался гораздо выше головы. При этом нога задиралась не «махом», а скорее ввинчивалась наверх. У нас нередко происходило то же» (Козлов: Интернет-сайт).

С западной одеждой было труднее – цветные кинокопии были редкостью. Эталоны для подражания нашлись, как это ни странно, в журнале «Крокодил», который активно критиковал стильную столичную молодежь, в то же время, делая ей рекламу в определенных провинциальных кругах. И вот, В. Киршин (сам он стилягой не был) описывает настоящего стилягу, которого он увидел в Перми в 1960 г.: «Около Дома офицеров стоял старикан лет 30-ти, одет как на картинке: брюки дудочкой, ботинки «на манной каше»,

пиджак с плечами, галстук с обезьяной, кок на темени» (Киршин 2003: 12). Вполне понятно, что и для опознания стиляги тоже пригодились «картинки» - карикатуры.

2. Увидеть эталон мало, надо найти материалы и возможности для копирования. Простой способ – купить в магазине стильную одежду, был совершенно недоступен для провинциального стиляги. Советская фабрика такой одежды просто не выпускала (Илл.1). Обратимся к воспоминаниям из интервью, чтоб найти источники появления в Перми стильных вещей.

В представленном в начале статьи отрывке мы видим, что молодежь прибегала к кустарным способам производства, то есть делала модную одежду своими руками, частично используя продукты фабричного производства. Приведем еще один отрывок из интервью: «Я штаны купил на базаре и решил перешить, и отдал их тете Шуре, она мне их так сузила, что кто-то мне принес чулок, и я их одел, но снять не мог. А что делать, ради моды - на что ни пойдешь» (К-ов 2002: интервью). Л-ий подсказал, как снимали брюки, ширина которых на щиколотке была 16 см – использовали мыло (Л-ий 2006: интервью).

Кроме того, одежду можно было сшить на заказ: «У меня был друг, которому мама в Ижевске достала такой пиджак (речь идет о клетчатом пиджаке с объемными плечами – А.К.). И мы его все время носили в ателье, чтобы нам точно такой же сшили» (К-ов 2002: интервью). Так целая кампания молодых пермяков оделась по моде.

И последний способ – «добыть» настоящую заграничную вещь через фарцовку (обмен с иностранцами, активное развитие получил после фестиваля молодежи 1957 года) или через знакомых, выезжавших за рубеж. В Перми, например, есть театр оперы и балета, артисты которого ездили в заграничные гастроли. К-оф вспоминает, с каким нетерпением он ждал их приезда и тех вещей, которые они привозили (К-ов 2002: интервью).

Третья часть механизма распространения моды – публичная презентация. Для кого она, и от кого надо было отличаться? Для стиляг общество делилось на «чуваков» и «серую массу». «Чуваки» и «чувихи» - это свои, они освоили один язык, они способны оценить модную одежду и стиль держаться по-особому (запрокинутая назад голова, высокомерный взгляд сверху вниз на окружающих, особая «развинченная» походка). Чтобы понять, почему масса окрашена в серый цвет, приведем мнение юного колумбийского журналиста Г. Маркеса, приехавшего в Москву в середине 50-х гг.: «Исчезновение классов – впечатляющая очевидность: все в старой и плохо сшитой

одежде и дурной обуви» (Маркес: 98). На самом деле, зарубежный гость ошибся. В сталинскую эпоху одежда выполняла функцию мундира, указывающего на ранг, или функциональную принадлежность ее носителя. Речь шла о качестве сукна - бостон, или шевиот - пошивочного материала для обуви – яловая кожа, или хром для сапог, но так же о разновидностях верхнего платья: ватник, шинель, пальто, шуба зимой, китель или пиджачная пара летом. «Я был близорук, очков не носил, стеснялся, поэтому, чтобы не прослыть гордецом, на всякий случай здоровался со всеми мужчинами в пальто и шляпах. Это были люди моего круга, на самом деле, круга моей семьи. Сослуживцы. Товарищи. Знакомые. Когда мы переехали в город, пришлось выписывать очки, так как этот признак уже не действовал. Людей в шляпах стало слишком много». (Л-ий 2006: интервью). Другое дело, что сторонний наблюдатель такие оттенки заметить не мог. Все серо, однотонно, безвкусно.

«Краткая энциклопедия домашнего хозяйства» 1959 года выпуска, объясняет, что значит хороший вкус в одежде – это «понимание разумной меры во всем, что касается формы, линий и цвета костюма… Дурной вкус выражается в погоне за всеми модными новинками, независимо от того, подходят ли они к внешности человека… Больше всего дурной вкус обнаруживается в неумении гармонично подобрать сочетания цветов между разными предметами костюма» (Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. Т.2, 1959: 396). Вообще, сдержанность и аскетизм в одежде, обстановке квартиры определяются как наиболее приемлемые для советского человека на пороге построения коммунизма. Высоким стройным женщинам рекомендуется носить «платья строгой формы» (Домоводство 1957: 205), «цвет костюма, а также все предметы одежды должны гармонировать с окружающей средой» (Краткая энциклопедия домашнего хозяйства Т.1, 1959: 13). Одежда должна была соответствовать терминам «удобно», «полезно», «нужно» (Ефремова 1965: 80).

Стиляги были совершенно другими: яркие цвета одежды вызывающе не сочетались между собой. Они не хотели быть похожими на остальную советскую молодежь, стремились быть индивидуальными и не соблюдали меру, навязываемую обществом. Комсомолец должен был аккуратно и коротко стричься – стиляги отрастили волосы и сделали прическу - «кок», девушки – стиляги вместо аккуратной укладки носили естественную прическу «конский хвост». Рубашки с яркими рисунками, совершенно не подходящий к ним по цвету галстук, сразу обращали на себя внимание.

Места молодежных инсценировок одинаково определены и в столице и в Перми – это улица под названием «Брод», танцплощадка и ресторан. Стиляга - джазовый пианист и сегодня вспомнил все советские рестораны города Перми: «Тогда ресторан был легко доступен и сравнительно дешев. В каждом ресторане у нас был свой уголок. Даже если ресторан заполнен и никого не пускали, то нас знали, мы были свои в любом. Вот там, где сейчас ресторан «Метро», там был ресторан «Нева». Там, где сейчас на Героев Хасана сбербанк, ресторан «Сибирь», ну, естественно, ресторан «Кама», который и сейчас «Кама», на улице Сибирской. А еще у нас любимый уголок был – ресторан «Урал»». Танцплощадка – еще одно место для презентации: «На танцплощадках или в клубе на танцах обычно были дежурные, которые следили с 6 до 8 вечера, потом они уходили домой. Включалась музыка, какая надо. И мы делали все, что можно, потом, правда, кто-нибудь увидит, расскажет. Стиляги приходили на танцы, чтоб «отколоть номер», потанцевать так, изогнуться так, как больше никто не умел. Таких обычно было человека 3-4. Хочу сказать, что стиляги были все хорошие спортсмены» (К-оф 2002: интервью). Действительно, чтобы хорошо станцевать стилем, надо было тренироваться дома (эталонные танцы из кинофильмов были постановочными и профессиональными), и быть в хорошей спортивной форме.

Что касается «Брода», то в Перми было много улиц с таким названием. Отсутствие связи между районами сказывалось и на стилягах. В каждом районе был свой «Брод». В центре города была улица К. Маркса, а в Орджоникидзевском районе, например, так звали улицу Щербакова (Б-ов 2006: интервью).

Самым главным был принцип – не быть похожими на большинство: на отцов, их приятелей, на сверстников, только что покинувших деревню. К-ов вспоминал: «если человек отсталый, почти что колхозник, его почему-то звали «Керя с Бахаревки» (Бахаревка – один из окраинных микрорайонов г. Перми).

Здесь мы можем говорить об универсальной модели действий непохожих людей и реакции на них общества. Вспомним английский «дендизм», когда манера одеваться была связана с собственной идеологией и особой моделью культуры – индивидуализм, оскорбительная для света манера держаться, презрение к общественным формам, «неприличная» развязность жестов (Лотман 2002: 124). Как писал Карамзин, «дендизм» - это слияние бунта и цинизма, превращение эгоизма в своеобразную религию и насмешливое отношение ко всем принципам «пошлой» морали. В

произведении, которое можно назвать программой «дендизма», Бульвер-Литтон говорил от имени своего героя Пелэма: «я стремился во всем отличаться от людского стада». Появление людей непохожих шокирует общество, вызывает реакцию. Советские стиляги тоже хотели отличаться от «серой массы». В истории бывали случаи, когда за стиль в одежде общество наказывало. Н. Карамзин в «Письмах русского путешественника» описывал, как толпа лондонских мальчишек забросала грязью человека, одетого по французской моде (антифранцузские настроения были сильны в Великобритании в конце XVIII века). Но в СССР в наказании участвовало не только общество, а еще и власть. Киршин в записи за 1956 год свидетельствует: «Не было греха страшнее, чем индивидуализм, за него убивали. Причем не власти убивали – соседи с помощью властей» (Киршин 2003: 10). Массы и власть были едины в своем желании избавиться от инородной группы молодежи. И здесь трудно сразу разобраться, кто был инициатором.

Вспоминая 50-е, обычные пермяки рассказывают, что боялись стиляг, считали их хулиганами. В интервью с К-ой 1922 года рождения есть рассказ о встрече со стилягами на улице города Перми: «Я помню, как-то я из библиотеки ехала, из центральной, и за мной пошли парочка стиляг. Я, грешным делом, испугалась, и потом, когда они шли все время за мной, я увидела, что идет какая-то пара постарше меня, вроде как муж с женой. И я попросила проводить меня, говорю, что молодые люди меня преследуют, и я боюсь. Я должна идти на улицу Кирова. И вот эти двое меня проводили, а стиляги отстали». Далее она отвечала на вопрос, были ли реальные основания бояться стиляг: «Они разговаривали так, чтоб обратить на себя внимание. Это было не приятно. Я их, практически, не знала. Я не знала, что ждать от них. И нам же говорили: вот – это стиляги, те которые не занимается общественно-полезным трудом. И я с ними старалась не общаться» (К-ая 2002: интервью). Люди часто боятся того, что им незнакомо. К тому же пресса активно работала над конструированием негативного имиджа молодого человека, стремившегося выделиться из толпы. Пропагандный образ стиляги включал в себя представление о нем как о хулигане, способном обидеть женщину и устроить драку (если речь шла о юноше), или о совершенно распущенной девице, забывшей всякий стыд и готовой к любым развратным действиям, как, например, раздеться догола на людях, и в таком виде проехать один перегон в трамвае. Эти истории передавались из уст в уста. Им охотно верили. Слово «стиляга» было наполнено отрицательным смыслом. Люди, никогда в своей жизни не

видевшие стиляг, осуждали их и заочно ненавидели. На карикатурах они изображались как мелкие ядовитые грибы – поганки (Илл.2), их сравнивали с обезьянами и попугаями (Илл.3). На Радио Свобода В. Тольц вспоминал «антистиляжный плакат» того времени, озаглавленный: «От стиляги - к преступнику»:

Стиляга – в потенции враг
С моралью чужою и куцей, -
На комсомольскую мушку стиляг;
Пусть переделываются и сдаются!
(Тольц: интернет-сайт)

Образ хулигана и бездельника, пиявки, присосавшейся к родительскому кошельку, формировался в обществе в те годы, он репродуцируется и сегодня. Школьные учебники практически все не упоминают стиляг, хотя их форма сопротивления советской несвободе сыграла весьма значительную роль, и не только в культурной сфере.

Власть против стиля

Жесткое противопоставление стиляг и масс – это вызов советской повседневности. Не даром Леонид Ионин называет стиляг декабристами своего времени, а Василий Аксенов - первыми диссидентами. В закрытом советском обществе, где политика (точнее, власть) проникает повсюду, не выделена сфера приватного и женщина может прийти в парторганизацию и попросить, «чтобы взяли от нее мужа… она ошиблась в нем», не могут безнаказанно действовать люди, которым власть безразлична. В. Славкин писал: «Новизна, которую предлагали стиляги, была не на уровне идей, а на уровне быта. Стиляги первыми бросили вызов суконному, прокисшему сталинскому быту, этому незатейливому жизненному стилю, для которого само-то слово стиль не применимо. Но в этом бесцветном жиденьком вареве и заключался один из секретов прочности нашего государства. Населением в униформе легче руководить, чем людьми в разноцветных пиджаках».

Против стиляг разворачивается идеологическая кампания. Начинается она еще на этапе, когда стиляги принадлежали к «золотой молодежи». Само слово стиляга появилось после публикации фельетона Д. Беляева в журнале «Крокодил» в марте 1949 года. Он дает следующее определение - «стилягами называют сами себя подобные типы на своем птичьем языке. Они, видите ли, выработали свой собственный стиль в одежде, в разговорах, в манерах. Главное в их «стиле» - не походить на обычных людей. И, как видите, в подобной стремлении они доходят до абсурда… он детально изучил

все фоксы, танго, румбы, линды, но Мичурина путает с Менделеевым и астрономию с гастрономией…» (Крокодил 1949:10). В сталинскую эпоху любая публикация в прессе должна была иметь отклик, не нее следовало немедленно реагировать. Поэтому, с теми, чьи имена упомянули в фельетоне, начинали работать комсомольская организация и руководители вузов, где они учились. Их прорабатывали на собраниях, исключали из комсомола, перевоспитывали, отчисляли из университетов.

Далеко не всегда стиляги полностью игнорировали советские правила. По этому поводу Киршин считает, что в Перми не было настоящих стиляг: «Были подражатели, нарушители норм костюма и прически… С ними достаточно было комсомольцам побеседовать как следует, в присутствии инструктора райкома, - и все вражеское оперение с нарушителей слетало, они слезно раскаивались, вливались обратно в коллектив, и опять наши массы единым строем шли к новым свершениям» (Киршин 2003: 12). Здесь журналист явно преувеличивает. Да, беседовали, да, соглашались, а потом все равно перешивали штаны и «искажали рисунок советского танца» на школьных вечерах, или искали иные пути. Джазовый пианист К-оф вспоминает: «Например, для того чтобы играть классический джаз, негритянский, американский, мы играли, предположим, попурри песен советских композиторов, а потом выходил конферансье. И он говорил: «вот в то время, когда мы спешно строим наше счастливое коммунистическое будущее, на западе, в загнивающем, в проклятом буржуазном обществе…». И мы начинали вот эти слова сопровождать хорошим настоящим классическим джазом. Ну, как бы бичуя недостатки буржуазного общества» (К-оф 2002: интервью). Здесь мы наблюдаем культурную инсценировку, в которой формально выполняются советские нормы, но на практике звучит музыка стиляг.

По опубликованным воспоминаниям стиляг Алексея Козлова, Василия Аксенова, Виктора Славкина и интервью с пермскими стилягами можно восстановить картину совместной борьбы власти и общество со стилягами. В сталинскую эпоху стиляги стали одним из объектов политической кампании по борьбе с космополитизмом. В хрущевскую эпоху политические кампании были уже иными. Стиляги распространились по всей стране, превратились в молодежную контркультуру. Теперь против них шла собственная кампания. Им уже не грозила тюрьма или расстрел. Однако, насильственные методы, применяемые к ним, тоже были достаточно жестокими. Пермский стиляга К-ов рассказывал: «придя на танцплощадку, собиралась такая группа молодежи от комсомола, специально брали

ножницы и разрезали штаны, жаловались в школу» (К-ов 2002: интервью). Американский исследователь советской культуры хрущевской эпохи К. Рот-Ай писал: «стиляг тащили в комитет комсомола или в отделение милиции, насильно стригли, отбирали или портили одежду, фотографировали для разгромных статей в прессе и стендов типа «Они позорят наш город» (Рот-Ай: Интернет-сайт). Крайней мерой была потеря места учебы – исключение из института. Однако структура кампании против стиляг была вполне традиционной для того времени, такими были и другие репрессивные сталинские кампании, а в середине 50-х традиции еще не были забыты. Кратко перечислим главные структурные компоненты политической кампании: статьи в центральных печатных изданиях, поиск собственных агентов «врага» на местах, публикации, сделанные на местном материале, письма в редакции газет и в партию, собрания и наказание виноватых. В послевоенный период некоторые сталинские политические кампании обходились без арестов. Этим отличалась вся кампания борьбы с космополитизмом. Что касается стиляг, то власти целенаправленно формировали их негативный образ через статьи, фельетоны и карикатуры в прессе. Затем в помощь умело сконструированному общественному негодованию были направлены народные дружинники (тоже формально представители общества, а не власти). По данным журнала «Коммунист», в 1960 году существовало более 80 тысяч дружин, объединявших более 2,5 миллиона дружинников (Анашкин, Бабин 1960: 52). Обычные советские граждане, свято верящие печатному слову, искали стиляг среди соседей. И, конечно, успешно находили их, даже если лишь одна деталь одежды была стильной и зарубежной. Не даром появляются такие случаи как описаны у Рот-Ай: «Молодой человек из Новосибирска написал в «Комсомольскую правду» возмущенное письмо, протестуя против преследований, вызванных его индивидуальной манерой одеваться: его узкие черные брюки (шириной, подчеркнулон в письме, 25 см/здесь какая-то ошибка: брюки шириной по низу в 25 см были стандартными для произведений советской текстильной промышленности в начале 60-х гг. – А.К./), бросавшиеся в глаза соученикам по сельскохозяйственному институту, повлекли за собой комсомольское собрание и угрозу исключения. «Стиляг в нашем обществе справедливо презирают, - писал он в «КП». - Я понимаю: стиляга - это тот, у кого мелкая, серая душонка. Это человек, для которого предел мечты - платье с заграничным клеймом и веселая танцулька под низкопробный джаз. Но разве можно человека, у которого есть цель в

жизни, который стремится учиться и который одевается недорого, но красиво, по моде, называть стилягой?.. Неужели я «стиляга», и со мной надо вести борьбу?» (Рот-Ай: Интернет-сайт). На первый взгляд кажется, что это пример поговорки – «лес рубят – щепки летят», но это не так. Как раз большинство провинциальных стиляг были такими. Зачастую лишь какая-то деталь одежды или элемент поведения превращал человека в стилягу. С точки зрения власти, даже незначительный элемент западной моды мог быть разрушительным, ведь вместе с ним приходило осознание своей уникальности, потеря коллективной идентичности.

Стиляги следовали моде, слушали запретную музыку, у них был свой сленг, по воспоминаниям, их речь была похожа на иностранную, они ценили индивидуальность и свободу, развлечения и личное удовольствие, им была безразлична политика и строительство коммунизма.

При каких условиях изменение рисунка танцев и покрой одежды могли вызвать такую большую реакцию?

Общество далеко не всегда легко поддерживает инициативу властей. Для этого в нем самом должны быть тенденции для правильного восприятия того или иного мифа. Попытаемся понять, почему мифологизированный образ стиляги легко превратился в советском обществе в образ врага.

Версия 1. Многие репрессивные политические кампании сталинской эпохи были построены на нелюбви народа к начальству. А ведь первые стиляги были детьми советской элиты. В СССР молодежь выделяется как особая социокультурная группа, в первую очередь, в столице. Они учатся в старших классах или вузе за родительские деньги. Их карьера не подлежит сомнению, высокопоставленные родители ее обеспечивают своим статусом. Они не работают, у них есть свободное время для общения и прогулок, а карманные деньги достаются легко. При этом индустрия развлечений в стране слабая, деньги тратить не на что. Остаются только сравнительно дешевые рестораны. К-ов вспоминал: «Я в то время был студентом, все время обитал в ресторане «Кама». У меня была стипендия 35 рублей. И на 5-6 рублей можно было очень хорошо посидеть. Бутылка сухого вина хорошего стоила – 2.60, шампанское – 3.10, мы пили шампанское «Церебла», «Фортуна», наше «Советское шампанское» было чуть дороже» (К-ов 2002: интервью).

Через родителей они получали доступ к запретной западной культуре – из-за границы им привозили одежду, технику, хорошие

радиоприемники, и безобидные, на первый взгляд, виниловые пластинки. Тексты в СССР имели сакральный смысл, поэтому из-за границы никто не решается везти журналы и книги. Везли музыку. Но и она оказалась способна быть аттрактором, собирающим вокруг себя молодежь. Тем более что, как пишет Кохен, решение, предлагаемое субкультурой, обязательно является «воображаемым». Это идеологическая попытка магически разрешить реальные взаимоотношения, которые не могут быть разрешены иначе. И музыка вместе с отличающейся от общей серости одеждой начинает исполнять эту магическую функцию. Становится группообразующим символом, отличающим своих от чужих.

Весьма любопытным является тот факт, что на западе, а точнее в Великобритании, в конце 40-х - начале 50-х годов тоже появилась молодежная субкультура (некоторые авторы называют ее криминальной), представители которой носили узкие брюки-«дудочки», шнурки вместо галстуков, ботинки на микропоре, твидовые пиджаки с бархатными лацканами и делали «кок» на голове. То есть внешне были похожи на стиляг. Их называли «тедами». Носителями этой субкультуры были рабочие из лондонских окраин, их отличало агрессивное поведение. Холл писал: «Заимствование Тедами стиля одежды более высоких классов «уничтожает» пропасть между реальной трудовой действительностью и жизненными возможностями в основном неквалифицированных полулюмпенов и жизненным опытом человека, «хорошо одетого, но которому некуда пойти в субботний вечер»… Теды стали социальной силой в ответ на послевоенное смещение слоев в обществе. Их жестокость заслоняла их дендизм и утверждала их мужественность» (Холл 1976: 48). Здесь тоже мода сыграла роль знака, отделяющего своих от чужих. Теды как и стиляги выделялись из своего слоя и осознавали себя как новое поколение, имеющее преимущество перед старым, то есть, по сути, ощущали себя элитой. Но английская власть не боролась с ними. В СССР все было иначе. Как отмечает Д. Фельдман, «вопрос формирования элиты в советском государстве всегда контролировался партийными органами. И, разумеется, никто бы не позволил решать такие вопросы на собственное усмотрение граждан» (Фельдман: Интернет-сайт).

Танец в советской культуре имел периферийную роль, в основном танцевали вальс. Положительный герой в советских фильмах много работал, но мог не уметь танцевать. А вот одежда уже начала играть особую роль. После войны появились трафейные шубы, пальто и часики. Вкуса еще не было, но страсть к нарядности и

украшениям уже была. Даже представители власти отказывались от аскетизма в одежде и появлялись на портретах в раззолоченных мундирах. Этот факт отмечает в неопубликованных в свое время трудах березниковский журналист Михаил Данилкин[3]: «В последние годы на крови и горе народа, русского в особенности, вырос огромный паразит, имя которому - аристократия. Стремясь к безраздельному могуществу, появившаяся аристократия нарядилась в мундиры, обвешала себя орденами и погонами. Она прячется за высокой стеной самых значительных, самых близких человеческому сердцу понятий: “народ”, “демократия”, “социализм”, “Сталин”» (Данилкин 1998: 149). Как мы видим символическим отличием аристократии, которая, кстати, по мнению Данилкина, приходит с Запада, является нарядная дорогая одежда.

Стиляги тоже носили дорогую западную одежду, а значит, воспринимались народом как чуждый элемент. Но когда стиляги были «золотой молодежью», не сформировалась еще контркультура. Да сытые бездельничающие молодые люди раздражали, но до середины 50-х в провинции их не было. Так что, ситуации на Урале ненавистью к начальству не объяснить.

Версия 2. Многие пермские стиляги, в том числе и один из респондентов, были родом из села. Они работали на заводах и не могли купить заграничные вещи, тем не менее, стали стилягами. Скорее всего, они были порождением эпохи деполитизации. Идеалы обветшали, идеология превратилась в риторику, политическая и социальная жизнь рутинизировалась и была наполнена ритуалами. На первый взгляд кажется, что школа была инструментом формирования советской идентичности. Но парадокс заключается в том, что именно старшие школьники и студенты становятся стилягами. Дело в том, что школа дает принципиально новые знания, зачастую родители такого образования не имеют. Дети начинают чувствовать себя совершенно «иными», новыми людьми – другим поколением. Новое поколение в процессе усвоения нового стиля (соприкоснулись с артефактами западной цивилизации) склонно к культурным инсценировкам. Молодежь привлекает бунт. Юность - бунтарское время. На советских взрослых в мешковатых серых пиджаках, кителях и гимнастерках они смотрят как на быдло, не хотят быть похожими ни в чем, уходят от скованности и демонстраций на 1 мая. Тем более, что у «золотой молодежи» есть приватное пространство для общения – хаты с уехавшими на дачу предками потомки используют для того, чтобы клеить чувих и встречаться с динамистками. А хрущевские квартиры

дают возможность распространить приватное пространство и на широкие массы молодежи, не только столичной.

В ритуализированной жизни в 1957 г. появилось окно в Европу – молодежный фестиваль. «Хроника дня» в кинотеатрах показывала ход фестиваля. Туристы все чаще начали выезжать за границу. Отмена паспортного режима облегчила переезд. Поэтому увеличился обмен между городами. Перемешивание студенческой молодежи на целине, фарцовка в столице. Появились новые каналы взаимодействия. К тому же наметились некоторые сдвиги в общественной атмосфере, когда и в литературе, и в кино оформилось настроение «вызова» по отношению к советскому мещанскому быту. Мещанский быт тогда символизировался такими предметами как сервант с хрусталем, пышные занавески, цветы (герань и фикус) в горшках, фарфоровые статуэтки на комоде, семейные фотографии в рамочках, абажур, ковер на стене.

Именно в такой культурной ситуации формируется контркультура. Это не культура протеста – это контркультура ухода. Ухода не в тень, а на сцену. Сценой стал Брод – несколько центральных улиц, где можно демонстрировать себя, свою особую позицию. Поскольку в Перми Брод есть в каждом районе, то происходит временная условная децентрализация пространства. «XX съезд КПСС согнал стиляг на стройку ГЭС, о Сан-Луис – город стильных дам, но Левшино не уступит вам» (Л-ий 2006: интервью). Пространство города по-новому символизируется для молодежи. Вместо властных учреждений и завода площадкой для молодежных инсценировок становится местный Брод, ресторан, танцплощадка.

Итоги

К середине 60-х гг. пропагандистская кампания против стиляг тихо сходит на нет. Последнюю дату определить трудно, поскольку не было никаких заявлений о конце этой кампании. Просто стильная одежда и западная музыка стали частью повседневности. Комсомольцы – борцы со стилягами переняли их вкусы, многие первые стиляги заняли престижные должности. Появилась молодежная культура не в партийно-комсомольском духе, а в повседневно – потребительском.

Борьба со стилягами выделила среди масс особую группу – городскую молодежь. Было признано, что молодежь может иметь свои особенности, имеет право на какое-то самовыражение. Теперь они могли носить узкий галстук и быть при этом уважаемыми передовиками производства.

Процедуру признания «стиля» выполняли литераторы по испытанным образцам, во-первых, создав для них символическое довоенное поколение отцов, а во-вторых, реабилитировав их пристрастие к яркой жизни воинскими подвигами. «Мы тоже пижонами слыли когда-то, но время пришло – угодили в солдаты» - Ю. Друнина, или «Джазисты уходили в ополчение, цивильного не скинув облачения» - Б. Окуджава.

Со стилягами в советскую культуру вошли яркие краски, изменилась сфера развлечений. Городская культура все больше была подобная западной, обрела свою самобытность, элементы деревенской культуры отживали и деформировались. Молодежную субкультуру признали. В тоталитарной моностилистической советской культуре появился полистилизм. Все началось с одежды, обуви на платформе и увлечения западной музыкой, а завершилось новой символикой городского пространства и признанием субкультур.

Список источников и литературы

Анашкин, Бабин 1960 - Анашкин Г., Бабин Н. Общественность и укрепление социалистического правопорядка // Коммунист. 1960. № 10.

Б-ов 2006 - Интервью записано на диктофон 15.12. 2006. Пермь.

ГАПО - Технико-эксплуатационные показатели работы Молотовского трамвая за 1950 г.// Государственный архив Пермской области. Ф. р-1026. Оп.1.Д.112.

ГОПАПО – Справка о бытовом устройстве и культурном обслуживании рабочих завода им. Молотова. 13. 07. 1953 // Ф. 105. Оп. 20. Д. 107.

Данилкин 1998 - Данилкин М. Глазами классиков // Лейбович О., Кимерлинг А. Письмо товарищу Сталину. Политический мир Михаила Данилкина. Исторический очерк. Пермь, 1998.

Домоводство 1957 – Домоводство. М., 1957.

Ефремова 1965 – Ефремова Л. И модно, и красиво // Эстетика поведения. М., 1965.

К-ая 2002 - Интервью записано на диктофон 19.10. 2002. Пермь.

К-ов 2002 –Интервью записано на диктофон 23.11.2002. Пермь.

К-оф 2002 – Интервью записано на диктофон 10.11.2002. Пермь.

Киршин 2003 - Киршин В. Частная жизнь. Очерки частной жизни пермяков 1955-2001. Пермь, 2003.

Козлов – Козлов А. Происхождение слова "стиляга" или откуда произошло слово стиляга //http://www.koryazhma.ru/usefull/know/doc.asp?doc_id=121

Краткая энциклопедия домашнего хозяйства Т.1,2 1959 - Краткая энциклопедия домашнего хозяйства в 2 томах. М.,1959.

Крокодил 1949 – Беляев Д. Стиляги // Крокодил. Март 1949.

Л-ий 2006 - Интервью записано на диктофон 13.09.2006. Пермь.

Лейбович 1993 – Лейбович О.Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.

Лотман 2002 – Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. СПб, 2002.

Маркес – Маркес Г. 22.400 000 квадратных километра без единой рекламы кока-колы // Латинская Америка. 1988. №3.

Тольц – Тольц В. http://www.svoboda.org/programs/TD/2003/TD.101903.asp

Рот - Ай - Рот-Ай К. Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской «молодежной культуры» в эпоху «оттепели» // Неприкосновенный запас. 2004, №4 // http://www.magazines.russ.ru/2004/4/

Фельдман – Фельдман Д. http://www.svoboda.org/programs/TD/2003/TD.101903.asp
Холл 1976 – цит. По: Brake. M. The sociology of youth culture and youth subculture. Sex, drugs and rock-n-roll. L.: Boston, Henley, 1980.

[1]**Примечания**

В статье используются материалы пяти интервью, которые были записаны в 2002 и 2006 гг. Часть интервью появились в результате научно-исследовательской работы, которую мы вели вместе с моей ученицей Марией Семеновой. Цитаты не редактируются.

[2] Пользуясь случаем, выражаю огромную благодарность В. Тольцу, А. Даниелю и Н. Митрохину, которые помогли мне ценными замечаниями и наблюдениями.

[3] Михаил Данилкин: С 1947 г. работал корреспондентом пермской областной газеты «Звезда» по городу Березники. По образованию, социальной карьере, манерам и обычаям он типичный винтик пропагандистской сталинской машины. В начале 50-х обличал уродства современной жизни в письмах Сталину и в различные местные и центральные инстанции. Он хотел просветить власть, открыть ей глаза на изменения, происходящие с социализмом и партией. В результате был исключение из членов КПСС за «антипартийные и антисоветские взгляды и утверждения», арестован и осужден по статье 58-10 УК РСФСР в марте 1953 года.